

**Открытая лекция о. Андрея Лоргуса
“Базовые потребности личности как динамическая модель.”
(СПбИПК. - 03.03.2016 г.)**

<https://youtu.be/HW37J--knKY?si=e4ZSawHcbP3wMwVL>

1:24:38

[Говорящий 5]

Добро пожаловать на открытие сегодняшнего мероприятия.

[Говорящий 3]

Сегодня интересная встреча у нас.

Мы заочно давно знакомы с вам Андреем Лоргусом.

Мы познакомились лично впервые.

Я думаю, что эта традиция взаимодействия продолжится. Это профессор Андрей Лоргус, известный христианский психолог.

Почва для сотрудничества самая обширная.

Вы знаете, что, к сожалению, в нашей стране не так много учреждений, которые сочетают в себе свои деятельности духовные компоненты и научно-психологические подходы. Психологический факультет МГУ в Москве, в Терпиановском институте. Моцартский прозвища Андрея.

И я думаю, что по сравнению с количеством различного рода психологических структур, которые осуществляют свою деятельность, если не на такой откровенной материалистической основе, то в некоторой нейтральной деятельности духовно ориентированных психологов в количественном аспекте, к сожалению, в нашей стране далеко не виден. Поэтому я думаю, что задачей таких структур, где такая работа все-таки проводится, является взаимодействие, обмен опытом, реализация каких-то совместных проектов. Я надеюсь, что сегодняшняя встреча будет не последней, и она положит начало к такому вот продвижению вперед на нашу общую главность страны и церкви.

На этом все, и разрешите слово виновнику торжества предоставить, пожалуйста.

[Говорящий 1]

Спасибо. Спасибо за поддержку. Я действительно первый раз в Академии, хотя мы давно друг друга знаем и встречались в Москве неоднократно, но я первый раз в стенах вашего заведения.

Очень рад. С трепетом переступил порог. Я здесь никогда не был.

Обнаружил, что ваш дом интересен, красив, ему много лет, но теперь он приобрел совершенно новую жизнь. Это для меня очень интересно, потому что действительно в нашей стране таких учебных заведений почти нет. Академия ваша одна из немногих, которая обладает таким замечательным помещением, возможностью вести работу учебную, научную.

Институт, который я представляю, ему всего лишь 6 лет, и у него нет своего такого помещения, хотя у него есть предыстория интересная, но, может быть, как-то в другой раз поделимся с вами той историей психологии, которая складывалась на протяжении последних 25 лет, в которой определенный вклад внесла и та дисциплина, которую мы можем назвать христианской психологией. Но историки психологии сделают еще, напишут это, хотя отчасти этот дефицит восполняет замечательный Юрий Михайлович Зинько, ваш житель Санкт-Петербурга, выпускник Государственного университета, психолог, автор множества книг по христианской психологии, и он создает живую историю христианской психологии, у него написано это уже достаточно много, и в бумажном варианте, и в электронном варианте, так что есть тот, кто поможет нам вспомнить все эти 25 лет, и как складывалось наше сотрудничество. Уважаемые коллеги, я хотел бы поделиться сегодня с вами тем, что наработано в нашем институте нашими коллегами, и одну из тем я выбрал, и прошу принять эту тему сегодня из моих уст, это представление о личности человека так, как она представляется в теоретической психологии и в психотерапии именно. Тема эта звучит так, это представление о базовых потребностях личности, как о фундаментальном слое, на основе которого формируются и основные мотивации.

То есть это тот слой личности человека, который имеет фундаментальное значение для формирования основных направлений стратегии личности, выборов, основных мотиваций и так далее. То, что я хочу вам представить, основано прежде всего на психотерапевтической работе, на консультировании, а также на опыте моём как священника, то есть на опыте духовном, на опыте и на практике исповеди и духовного руководства. А также это ещё и опыт нашего института преподавания и изучения вместе со студентами нашими, христианских психологов, этой темы.

И я должен сказать, что студенты и преподаватели внесли здесь очень интересный вклад, к которому я подойду в конце и покажу вам ту модель, учебную модель, которую мы разрабатывали вместе со студентами, и мы можем даже её обсудить с вами, насколько она вам покажется интересной. Но сначала несколько слов о том общем подходе, который мы исповедуем, если так можно сказать. Я думаю, что и в науке можно говорить о исповедании определённого подхода.

А именно, это те самые основания, которые можно назвать мировоззренческими, или основания методологические, на которых любая наука строится. Для различных направлений психологической науки такие основания могут быть философскими, могут быть естественно-научными, но они всегда присутствуют. Какое бы из направлений психологической науки и психотерапии мы бы не взяли, но мы найдём в их основании некоторую основную базовую методологию.

Если это, скажем, психодинамические теории личности, то тогда такой методологией будет представление об организме. То есть это некоторая естественно-научная парадигма. Если мы возьмём направление гуманистическое, то там мы найдём некоторую смесь, некоторый синтез организмической парадигмы и гуманистической парадигмы, в которой человек представляет собой некий эпифеномен по отношению к организму.

Если мы посмотрим на экзистенциальный подход к психологии, то и там иная духовная перспектива, которая лежит в основе некоторых научных начал. Так вот, такой фундаментальной основой для христианской психологии является антропология. Антропология, которая выработывалась на протяжении многих столетий, и, по сути дела, тысячелетий, в русле христианской мысли, аскетики, практики.

И эта методология сформировалась, по сути дела, не так давно, в XX веке. Потому что многие антропологические основания, о которых мы говорим, они существовали в виде некоторой криптометодологии. То есть методологии, скрытой в трудах мыслителей далёкого прошлого, начиная с эпохи эллинизма, и которые нуждались в некоторой расшифровке.

То есть они нуждались в нашей рецепции современной. И эта рецепция была совершена прежде всего в русле русской христианской философии, русской богословской мысли XX века, и прежде всего в парижской школе богословия, которая составляла в XX веке, пожалуй, самое заметное богословское течение, вышедшее из недр русской богословской философской мысли. Это прежде всего имена Владимира Николаевича

Лоскова, Архимандрита Киприана Керна, протрея Василия Зиньковского, Николая Александровича Бердяева, отца Сергея Булгакова, ну и многих других, в том числе Павла Евдокимова, тоже из французской эмиграции.

Но это всё-таки середина XX века. К сегодняшнему дню и эта научная школа и направление нуждалась в рецепции, уже в современном представлении, в тех возможных формулировках, которые мы можем назвать современными, то есть посвящённым XXI веку. Я буду сегодня ссылаться на некоторых авторов.

Это и московская школа в какой-то степени, современная московская школа антропологии и современная греческая православная школа антропологии, связанная с именами Зизиуллуса и епископа Калистовера. Это американская школа богословия, и сербская, и румынская. К счастью, мы с вами являемся современниками замечательного сербского богослова, психиатра и психолога Владыта Еротича, книги которого уже выходили на русском языке, их несколько.

Этот человек уже преклонных лет, ему почти 90, и он с вниманием следит за тем, что происходит в России, он знает, что его книги переведены и здесь приняты. Он активно ведет свое общение, и для нас драгоценен его опыт, потому что он одновременно является богословом и врачом, психиатром и психологом. Он преподает в Белгородском университете и богословие, и психологию.

Его книги, которые переведены на русский язык, замечательные свидетельства работы современной для нас сербской школы богословия. А румынское богословие именно психологии в антропологии связано с именем Георгия Станилоя. Это тоже имя очень важное для нас, потому что это тоже рецепты святотической мысли в современной интерпретации.

Почему эти интерпретации и современное прочтение нам так необходимы? Прежде всего потому, что мы ставим иные задачи. Мы с вами здесь, в стенах Академии, находимся все-таки в русле научной мысли.

И это означает, что любые послы из религиозной философии или из богословия мы должны в том или ином виде воспринимать как некоторый научный рам. С тем, чтобы мы могли говорить на общем, едином языке со всеми специалистами, которым интересно работать на иностранской психологии. Лично для меня психология это та дисциплина, в которой наиболее удобно, я бы сказал так по-человечески, наиболее уютным образом чувствует себя проблема личности.

Ведь личностью занимается не только психология. Философия, конечно же, философия является, пожалуй, в западном развитии христианской мысли колыбелью категории личности. То современное представление о личности, которое мы сегодня разрабатываем, оно пришло из философии Фомы Аквинского и Декарта.

Учение о персоне, персонализм – это философское течение. Лишь только в самом конце XIX века психология принимает эту категорию себе и начинает разрабатывать проблему личности как собственную, психологическую. А до того и параллельно эта категория философская.

Одновременно эта категория и богословская, которая разрабатывалась в богословии, ну, как минимум, начиная с V века по Рождеству Христов. Но сегодня, конечно же, психология вырвала первенство заниматься личностью себе и, по сути дела, уже достаточно твердо обосновала это. И действительно, я думаю, это правильно, что наиболее адекватное раскрытие этой проблемы находится в пространстве психологических наук, я бы так расширенно сказал, психологических наук.

На мой взгляд, психология личности является не просто специализацией в современном наборе психологических наук, она составляет сердцевину любого психологического направления, гуманистическое, или психоаналитическое, или экзистенциальное. Я бы сказал даже так, что психологическая теория, а их много, как вы знаете, единой не существует, не может считать себя состоявшейся в современном мире, если она не формулирует в том или ином виде, на том или иной высоте свое видение проблемности. Без личности, без этого центрального элемента психологии — потерянная дисциплина.

Она как бы говорит о разных функциях, она говорит о разных сторонах человека, но если она не говорит о личности, непонятно всё-таки, как это направление мысли психологической относится к самому важному. Кто же такой человек? Ведь о человеке у нас много наук, и медицина о человеке, и социология о человеке, и философия, конечно, о человеке, и множество других.

Но нам нужно, как психологам, выделить ту, собственно говоря, человеческую основную черту, без которой мы сказали — это не человек. Так вот этой чертой является личность. Если мы будем рассматривать человека как организм, то для нас совершенно очевидно, что как организм он такой же, как у других высших животных.

Если мы будем рассматривать человека как систему информационную, тогда мы можем сравнивать человека с компьютером или с каким-то сложным автоматом, управляющим сложным объектом, например, как бы железной дороги. Если мы будем говорить о человеке как о социальном явлении, тогда мы скажем, что человек — это некоторый встроенный в большую, супербольшую социальную систему, некоторый элемент, который несёт в себе те или иные черты, свойственные этой системе. Мы можем рассматривать человека как машину, мы можем рассматривать человека как социального адама, выражение Якоба Морена, мы можем рассматривать человека как пространство, как фигуру и как форму в терминах герцога теории.

Но если мы не удерживаем хотя бы, бессознательно как специалисты не удерживаем, что человек — это Личность, а это означает, что собственно человеческий образ бытия — это и есть Личность человека, то тогда мы теряем подлинно человека, и тогда в наших экспериментах, объяснениях, преподаваниях мы можем говорить о ком-то, кто человеком уже не является. Значит, одна из задач психологии, на мой взгляд, — всегда помнить и удерживать, что только личностный подход поможет в любых экспериментальных, теоретических, учебных или практических задачах. Говорим ли мы о лётчике из сверхзвукового самолёта, или мы говорим об операторе, который сидит перед монитором, управляет какими-то сложными процессами или контролирует, о ребёнке, который выводит рукою свои первые буквы и решает для себя фундаментальную задачу тонких движений руки.

Или мы говорим о взаимоотношениях матери и ребёнка. Всякий раз, если мы не забываем хотя бы о том, что перед нами Личность, а Личность — это всегда конкретный человек, никогда общий, никогда средний, никогда абстрактный, но всегда конкретный человек, тогда мы психологи. Таково моё мнение.

Итак, я хочу поделиться с вами тем, как мы, христианские психологи, в нашем институте смотрим на проблемы человека. Я прошу прощения. ...являющегося донцентом Святотихоновского богословского института, главной специализацией которого — это как раз учение о личности богословия. Вот то определение, которое мне кажется достаточно рабочим на сегодня. Я прочитаю, не буду его разговаривать, оно очень сложное, но музыка этого занудства, она, мне кажется, как-то сделает конкретный мой разговор. Итак, это выдержка из его книги, его определение личности из его книги «Лицом к лицу», которое выдерживало уже два издания и в вашем городе тоже продавалось когда-то.

Значит, Сергей Анатольевич Чурсанов, здесь будет его определение, его имя, книга «Лицом к лицу». Итак, личность — это несводимое к природе, свободное, открытое, творческое, уникальное, целостное в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности, непознаваемая аналитическими объективирующими методами антологическая основа человека, определяющая образ бытия его индивидуализированной природой. Я хочу подчеркнуть здесь несколько важнейших для меня сегодня определений.

Первое определение, которое говорит об индивидуализированной природе. Это означает, что мы должны сразу же ввести различие между тем, что мы понимаем личность и понимаем индивид. Индивид — это природная категория, соединяющая в себе как семейно-родовые, социально-культурные и природно-организмические особенности человека.

Индивид — это всегда конкретный человек, но это не личность, потому что личность, и в этом определении даётся её точная граница, это несводимость к природе. А если индивид — это природа, то тогда личность никогда не может быть сведена к природе. Что это означает на практике?

Это означает, что понимание человека как личность не может быть сведено, например, к мышлению. Понимание личности не может быть сведено к сознанию, как это, например, принято в Декарте и в неопозитивизме. Несознающий себя человек — это тоже личность.

И тогда для нас открывается возможность признать личностью и младенца в утробе матери, и больного, находящегося в коме, и человека, который потерял сознание, или человека, который вообще не способен особенно к рефлексии, то есть тем высшим формам сознания, которые необходимы для определённой личностной работы. Итак, личность — это несводимость к природе, ни к мышлению, ни к эмоциям, ни к сознанию, ни к социальным ролям, ни к семейно-родовым ролям. Здесь важна именно сама несводимость.

То есть, иными словами говоря, личность — это всегда нечто большее, чем то, что мы изучаем объективирующими методами психологии. Сознание, память, внимание, мышление и так далее. Это, конечно же, не предмет дифференциальной психологии, потому что даже если мы в дифференциальной психологии находим некоторые характеристики индивидуальности индивидуализированной природы, конкретно персональной личностной природы, это ещё не личность.

Что же тогда личности? А это то, что должно сохранять в себе свободу, открытость, творчество, уникальность, целостность. Ещё раз.

Свободу, открытость, уникальность, целостность. Целостность как неделимость, так и идентичность. Таким образом, мы должны понимать, что именно эти характеристики мы должны удерживать в том представлении о личности человека и не растерять ни одной, чтобы наше представление о человеке удовлетворяло этому определению, богословскому определению.

Задача психолога – не выводить личность из организма, из его истории, из его семьи, из его мышления, сознания, рефлексии и так далее. Не выводить, потому что личность не сводима к природе. Но и не сводить личность как объяснительный принцип через указанные высшие психические функции или психосоциальные функции, или психофизические функции, как это принято, например, в психодинамических теориях личности.

Задача наша – удержаться вот в этом узком пространстве, но это единственная возможность. Ну и наконец, всё-таки, личность – это, согласно определению Чурсанова, антологическая основа. Значит, мы имеем дело с таким важнейшим качеством человека, которое называется «бытие человека».

И отсюда для нас открывается первое фундаментальное базовое личностное стремление или задача – задача быть. Да, пожалуйста. И следующее.

Вот эта табличка, она не читается в таком формате, мы сейчас её посмотрим отдельно, по ячейкам. Эта табличка отражает попытку сравнить представления разных психологов, здесь психологи разных школ представлены, и представления о базовых потребностях. То есть здесь есть и известные представления Маслоу, есть и Фрица Риммана, и Олпорта, и Болби и других.

Это попытка сравнить те основные представления, которые у этих специалистов были, и сравнить их с теми, которые исповедуем мы. Если позволите, сразу следующий слайд. Альфред Ленгли – это современный австрийский психолог, который работает в направлении экзистенциальной психотерапии, логотерапии.

Он является ближайшим соратником и учеником Виктора Франкла, но достаточно оригинально сегодня работает самостоятельно. Его книги

переведены на русский язык, это его представления о личности, которую он называет персом по-немецки. И здесь очень важно подчеркнуть, я сделал маленькое отступление, что для христианского мира есть два основных, известных категории, которые пришли из глубин христианской богословия.

А именно, персона – латинский термин, которым пользуется вся западная философия, богословие, психология. И ипостась, которым пользовался прежде всего грекоязыческий мир, в том числе и славянский. Хотя сегодня мы произносим, взяли термин другой, и вместо ипостаси мы говорим личность.

Дело в том, что в славянском языке, когда возникла потребность переводить основные базовые категории богословия на славянский и на русский язык, были избраны другие термины, нежели личность, которой мы пользуемся сегодня. Термин личность возник в конце XVIII века впервые, а в нашем современном понимании появился только в 40-е годы XIX века, в письмах Билинского, а потом Герцена, а потом Славянофилов. Так вот, в начале, вот еще в XI веке, греческий термин ипостасис переводился на славянский язык как собопство, или собиство с мягким знаком.

Корень соб нам с вами хорошо известен, у нас масса слов в современном языке с этим корнем. Особенность, собственник и так далее. Вот это тот же самый корень, очень древний для всех славянских языков, так вот, собство это и есть тот термин, который в XI веке использовался для перевода греческого термина ипостасис, личность.

Одновременно с ним использовался и второй термин, тоже древний для славянских языков, термин лицо, который мы с вами сегодня хорошо знаем и используем. Лицо и собство. Но история термина собства завершилась в середине XIX века, так что в словаре 1847 года Академии наук российской, который был издан в Санкт-Петербурге, собства уже нет.

А вместо него есть особа, персона или личность. Но сегодня мы пользуемся термином личность. Я для чего это сделал отступление?

Чтобы чуть-чуть как бы оттенить ту драматическую историю и историю терминов. Она очень богата содержанием, потому что каждый оттенок, который несёт в себе вот эта терминологическая особенность, насыщает понятие личности новыми и новыми смыслами. И очень важно понимать всё это богатство, потому что с течением времени отношение к человеку менялось, представление о человеке менялось.

И то, что мы сегодня понимаем как человека, как личность, и то, что это было в начале XIX века, не одно и то же. Например, термин особа не мог быть применён к крепостному человеку, а только к человеку знатному, к человеку, который в определённой занимает место в табелях. Но я возвращаюсь всё-таки к Альфреду Ленгли.

Итак, Альфред Ленгли говорит о четырёх фундаментальных базовых мотивациях. И он их называет так. Первая базовая фундаментальная мотивация — «Могу ли я быть в этом мире?» Что это означает?

Это вопрос к бытию. «Могу ли я быть?» Вопрос о том, быть или не быть, как вы знаете, фраза из Гамлета, был поставлен очень давно. Но почему человек, который с точки зрения здравого смысла, конечно же, есть, существует, почему человек ставит это перед собой вопрос, быть или не быть?

Почему, мы говорим, психологи, человеку необходимо решить задачу бытия? Это задача, я только должен пояснить, что это задача взрослого человека, личностной задачи, у ребёнка не решается или решается своеобразно, и это не то, что мы обсуждаем сейчас, но всё-таки психология личности взрослого человека. Ну, это ремарка.

Так вот, почему перед человеком стоит задача быть? Да потому что очень часто на практике человек отказывается быть. Или сомневается в том, быть ему или не быть.

Или не уверен в том, а есть ли я. У другого экзистенциального психолога, Ролла Мэя, у неё есть очень хорошее замечание, я часто наблюдал у своих клиентов светение и отчаяние на пороге бытия, когда они сомневались в том, существуют ли они на самом деле. Или имею ли я право быть в этом мире?

Или ждёт ли этот мир меня? Я в нём желанный или я в нём случайный? Например, он рассказывает о работе с одной женщиной, которую мать не хотела.

И она вообще хотела сделать аборт, но почему-то аборт не удался. И в результате родилась девочка, которую мать не смогла полюбить, и всю жизнь эта девочка прожила в тяжёлых детских условиях. Когда она выросла, она была поражена очень тяжёлыми личностными искажениями, нарушениями, и он работал с ней достаточно долго, и девочка это говорила.

Я в этом мире лишняя, женщина это говорила. Меня здесь не ждали, я никому не нужна, моё бытие для меня не очевидно. И Руламей пишет о том, что одна из главных задач в этой экзистенциальной психотерапии — помочь человеку найти ответ на вопрос «Есть ли я в этом мире?».

Это практическая задача, суперпрактическая, потому что если человек не убеждён в своём существовании, то тогда он не имеет смысла жизни, не имеет смысла страданий, не имеет смысла достижений, и он не очень понимает, в каких он отношениях с этим миром, с другим человеком, и, естественно, там невозможно говорить о развитии этого человека, потому что если я в этом мире не нужен, то тогда зачем вообще всё строить, какой смысл жизни? Николай Санкт-Пердяев писал, что человек есть существо, увлечённое смысла, без смысла он существовать не желает.

Так вот, если человек не убеждён в своём бытии, тогда ни о каком смысле жизни говорить невозможно. Итак, первая задача, первая базовая потребность, которую решает личность — это потребность быть, быть убеждённым в своём бытии, быть убеждённым и прожить экзистенциальную точку, которая называется, которая выражается человеком словами «Я есть». «Я есть и осуществляю».

Для многих людей это не очевидно. И это духовная задача, и отчасти психотерапевтическая задача — помочь человеку, если он хочет, найти эту точку своего личного бытия. Вторая фундаментальная мотивация по Альфреду Лендли — это нравится ли мне жить.

Как я отношусь к своему бытию? Оно для меня предмет проклятия, страдания? Или оно для меня предмет радости и творчества?

И это то, что мы называем сегодня самоценностью. Самоценность — термин очень интересный, любопытный. Впервые в психологии его ввела Вирджиния Сатир.

В отечественной психологии оно разрабатывалось в московской школе Виктором Столиным и Пантелеевым, а также Саджавеладзе. Это термин, который можно было бы назвать так. Самоценность — это ощущение безусловной ценности собственного бытия.

Значит, если первая задача личности — утвердиться в своём бытии, то вторая задача личности — обрести ощущение ценности бытия. Почему мы настаиваем на понятии «ощущение», а не «осознание»? Да потому что

ощущение — это то, чем мы владеем и в сознательном состоянии, и в бессознательном состоянии.

Это то, что помогает нам реагировать и принимать решения в кратчайшие сроки. В ситуациях стрессовых, особенно значимых для человека. В ситуациях, которые требуют не рефлексии и сложной работы, а требуют готовых ответов, готовых реакций.

То есть ситуации, которые основаны на наших навыках, на наших привычных выборах, сформировавшихся уже в течение нашей жизни. То есть ощущение — это то базовое достояние человеческой личности, без которой она дальше не может существовать. Следующая фундаментальная ценность, о которой нам необходимо говорить — это сопричастность.

Это то, что многие психологи называли принадлежностью или потребностью быть принятым. Но мы бы сказали, если удаляться от научного языка, это потребность любить и быть любимым. Сопричастность.

Принадлежность прежде всего к семье, принадлежность к любимым, принадлежность к близким, а также принадлежность к социуму, принадлежность к нации, принадлежность к группе, к своей референтной группе, например. И такое тоже может быть. Сопричастность — это потребность быть с другим, устанавливать с другим те самые близкие, доверительные, глубокие отношения, о которых Джон Болби сформулировал свою теорию привязанности.

Следующая базовая потребность... Можно перелистать уже дальше? Еще дальше, еще дальше...

Вот, взгляните назад. Вот, это список основных базовых потребностей, и теперь каждую... Вот самооценку, да.

Где там кнопочка? Да-да-да, вот эта. Нет-нет, правая кнопочка.

Вот так вот, да. Итак, сопричастность, а следующее за ней... О сопричастности я уже сказал.

Самостоятельность или независимость или свобода — это то, без чего Личность не может развиваться, совершать свой выбор. И ответы своего развития — это то, без чего Личность не может действовать. Но если мы принимаем это как базовую фундаментальную потребность или

стремление Личности, то равным образом мы должны сказать, что отсюда вытекает и ответственность.

И наоборот. Если мы не признаем в человеке некоторой степени ответственности, это означает, что у него нет и этой свободы. Потому что ответственность наступить может тогда, когда у человека есть выбор хотя бы из двух возможных.

И в результате этого выбора он принимает то или иное решение, и тогда может осуществлять действие, за которое теперь он несёт ответственность. Или, другими словами, я несу ответственность только за то, что я выбрал самостоятельно, свободно, на основе своих принятых мной ценностей. Разумеется, это говорится о зрелой, взрослой самостоятельности.

Следующая базовая потребность – это самореализация, которой писал и Абрахам Маслоу, и Роджерс, и многие другие, которые ещё называют самоактуализацией или творчеством. Самореализация – это реализация не только своего творчества, своих замыслов, своих идей. Это реализация своей целостности, своей индивидуальности, своей конкретности, реализация себя как Личности, той самой, неделимой и идентичной.

То есть, каждый конкретный человек стремится, таково утверждение заключающееся в этой категории, стремится реализовать себя в жизни так, как только он считает это нужным, важным, и как только он это умеет, и насколько это ему, именно ему, соответствует. И тогда его решение и его образ жизни становятся его конкретным, личным, ответственным, индивидуализированным образом жизни, за который он несёт полную ответственность, как перед собой, как перед Богом, так и перед другими людьми. Следующая фундаментальная потребность или стремление – это стремление к безопасности.

Можно просить вот этот слайд с пирамидой Моослова в самом начале? Известная пирамида Моослова в данном случае в таком виде, хотя их можно найти из самых разных представлений, в ней потребность безопасности находится сразу же после физиологических потребностей. То есть это потребность, которая является обязательной и фундаментальной по отношению к всем остальным высшим.

Чем характерна модель Моослова? Вообще, чем характерна модель пирамиды? Прежде всего, своей иерархичностью.

И закон иерархии говорит о том, что ни один, в данном случае на пирамиде указанной, ни один выше лежащий слой не может существовать без низ

лежащего слоя. То есть, согласно этой модели, без удовлетворения безопасности, без стабильности личность не может реализовать, например, принадлежность, самоубаждение или самоактуализацию. Не кажется ли вам, что жизнь опровергает эту зависимость, опровергает эту иерархичность, и человек может самореализовать себя в нарушении потребности безопасности и в нарушении потребности даже физиологически?

И тогда эту пирамиду надо было бы перевернуть с ног на голову, и тогда потребность самоактуализации может оказаться в некоторых ситуациях, в некоторых решениях личности главенствующей по отношению ко всем остальным фундаментальным потребностям. Таким образом, модель пирамиды, которую использовал Маслоу, она вносит определенные противоречивые характеры в объяснение поведения человека, и с этой точки зрения она ущербна как модель именно базовых потребностей. Кроме того, в этой модели есть очень характерный изъян.

Она учитывает не собственные личностные потребности. По сути дела, она смешивает такие потребности, как потребность в самоактуализации и принадлежности, с физиологическими, и они оказываются в одной системе координат. Что, на наш взгляд, делает это представление достаточно критикуемым и неосновательным, именно потому, что физиологические и личностные, психологические в одном ряду находиться не должны.

Тогда мы теряем специфику психологического объяснения личности. Пожалуйста, давайте вернемся на слайд с безопасностью. Потребность в безопасности.

Мы здесь говорим о безопасности личностной, а не только физической или физиологической, что тоже необходимо. Это безопасность, прежде всего, безопасность целостности личности, ее достоинства и ее свободы. То есть, потребность безопасности — это стремление личности построить свои границы, отстоять свое достоинство, уметь защитить свое достоинство.

Это потребность сохранить целостность для того, чтобы самореализовываться, для того, чтобы сохранить свою свободу. Ну, например, безопасность личности — это необходимость отстаивать личностью свои границы. Потому что как только границы личности нарушены, у личности появляется угроза собственного бытия или, собственно, идентичности.

Кстати говоря, это один из пунктов очень серьезной работы в межнациональных, межрелигиозных проблемах. Многие проблемы

экстремизма, агрессии, преступности раскрываются в этом поведении личности, когда возникает угроза идентичности. Угроза идентичности приводит человека к агрессии и к непредсказуемым, нематерированным фанатическим типам поведения.

И вот со специалистами по агрессии мы обсуждали этот вопрос, и они очень заинтересовались именно таким пониманием безопасности личности, в котором угрозе подвергается как раз целостность и идентичность личности. И тогда становится понятным, что нематериальные, неэкономические причины подчас бывают ведущими в экстремистских и агрессивных типах поведения, в том числе и массового поведения. А как раз причины, которые угрожают идентичности национальной, религиозной или даже семейной родовой.

И многие мотивации агрессивного и экстремистского поведения опираются как раз на представление о личностной безопасности. И, наконец, последнее базовое стремление личности или потребность — духовность. Это не только потребность религиозная, но и потребность в смысле, потребность принадлежности чему-то высшему, истине, ценности, какому-то мировоззрению, какому-то пониманию чего-то высшего.

Это потребность, которая объясняет, кстати говоря, стремление людей, не обладающих развитой религиозностью, удовлетворённой религиозностью как потребностью, которые, если не находят для себя определённого мистического мировоззрения в виде каких-то уже выработанных систем религиозных или псевдорелигиозных, а выдумывают сами свои и формируют это стремление к магическому сознанию, стремление к объяснению жизни судьбою, числами, цифрами, совпадениями, звёздами и так далее. Если разобраться по существу, то человек без вот этого духовного обоснования своей жизни жить не хочет.

И даже если у него нет никаких принятых социально или, в родовом смысле, уже сформированных потребностей реализовать свою духовность, то он их сочиняет, он их выдумывает, он их имитирует иногда. И этим объясняется огромная популярность магизма, оккультизма сегодня, когда духовные основы размыты и люди оказались в значительном пространстве вакуума, в поисках каких бы то ни было идентичностей духовных. Эти идентичности удовлетворяются самыми маргинальными и непредсказуемыми способами.

Посмотрите сегодня на любую газету объявлений, сколько там предложений ведических, оккультных и всяких прочих услуг с ведьмами,

колдунами, в прямом, в открытом смысле слова. Ведьма в седьмом поколении, колдун в одиннадцатом поколении. Откуда такая жажда?

Почему в наш просвещенный век люди с двумя высшими образованиями отправляются к бабкам, чтобы заговорить своего мужа, чтобы он не смотрел на какую-то секретаршу? Почему женщины, врачи с высшим образованием, даже с кандидатским дипломом соглашаются использовать магические средства в быту, чтобы превратить собственного мужа? Я вам говорю это как священник, потому что мне иногда приходится с этим сталкиваться.

У меня долгое время не было ответа на этот вопрос. Но когда я представил себе совокупную потребность, как люди стремятся насытить эту духовную потребность, потребность в смысле, даже там, где смысла найти нельзя. Но тогда, может быть, его выдумать, сочинить, придумать.

На этой картинке я предлагаю другую модель базовых личностных потребностей, о которых я уже говорил. Это модель потребностей «быть», «самоценность», «самостоятельность», «самореализация», «сопритязанность», «безопасность» и «духовность», представленную вот такими лучами. Чем она мне представляется важной?

Во-первых, в нее избраны потребности только личностные, психологические и никаких физиологических или организмических. Во-вторых, в ней представлено независимое существование каждой отдельной потребности. Она может быть по своей величине или по своему направлению, независимо от других, потому что она с другими не связана.

На этой модели мы со студентами обсуждаем различные конфликтные ситуации в личности человека. Что такое конфликтная ситуация? Это тогда, когда та или иная потребность приходит в конфликт с другой потребностью.

Например, мы можем потребности разместить на одной оси. Например, безопасность и самореализация здесь относятся на одной оси. И они разнонаправлены, заметьте.

Так вот, если человек выбирает удовлетворение потребности в безопасности, то он может пренебречь удовлетворению потребностей в самореализации. Например, человек открывает возможность реализовать некий свой замысел, свою идею, но ему страшно, что он может ошибиться, что у него не получится, что в случае самореализации он подвергает себя

рisku осмеяния, критики и в результате этого унижения. Для него это угроза личностной идентичности и целостности.

И тогда он принимает решение удовлетворить потребность в личностной безопасности и пренебречь потребностью в самореализации. Знакомая вам ситуация? Встречали вы такие?

Когда человек отказывается от должности, который ему назначают более высокой, а он говорит, нет-нет-нет, не надо, я боюсь, это не по мне. Когда человек скрывает какие-то свои идеи или мысли, потому что боится, что его будут критиковать и осмеют его товарищи и коллеги. И наоборот может быть, когда потребность в самореализации настолько велика и сильна у человека, что он пренебрегает рисками.

Рисками быть осмеянным, рисками неудач, риском нарушить какие-то вещи. Но можно представить себе другую ситуацию, когда потребность в безопасности приходит в конфликт с потребностью в сопричастности. Она изображена внизу, зелененькая, а безопасность синяя, мы можем ее выложить на одну ось, и тогда мы представим другой конфликт.

Например, сопричастность — это стремление быть со своей семьей, а потребность в безопасности — это соблюсти границы своей личности, в том числе и своего достоинства. А если семья регулярно и постоянно унижает человека, потребность сопричастности тянет человека в семью, потребность безопасности тянет его в другую сторону. Человеку хочется быть любимым и принятым своей семьей, но ему важно защитить свое достоинство, и он из своей семьи убегает.

Одна женщина пишет своей маме, мама, любимая, я так скучаю, я бы приезжала к тебе каждую неделю, но я боюсь твоего тона, с которым ты со мной разговариваешь, поэтому я не приду. Вот конфликт, который реально бывает. Но бывает конфликт, перешедший в другую сторону.

Например, конфликт сопричастности и самореализации. Такая ситуация. Старший ребенок в семье хочет учиться, обладает определенными способностями и талантами, но ему надо уехать из родного дома в другой город, чтобы получить высшее образование.

А родители говорят, но ты же нам такая помощница, останься, нам нужна твоя помощь с младшими детьми по хозяйству. Но как же так? И ребенок ради любви к семье и родителям пренебрегает своим развитием, своим образованием, своей карьерой, может быть, и ради семьи остается в семье

и продолжает реализовывать свое стремление к сопричастности, которое сильнее в данном случае, чем потребность в самореализации.

Значит, все эти потребности могут быть в конфликте, и мы их можем на эту модель, мы ее можем менять. Единственное, что я бы оставил, как всегда, вот потребность в бытии как некоторую ядерную фундаментальную потребность, которую тоже можно в этой модели менять ее форму. Как, например, вот здесь она изображена таким желтым шариком или золотым шариком, а она может быть пустой.

Если для человека удостоверение в бытии не очевидно, место этой центральной ядерной потребности может оказаться пустым, субъективно пустым. То есть оно будет переживаться человеком как ощущение глубокого внутреннего вакуума. Или человек так говорит, у меня там все темно, или у меня там все холодно, или сколько я не загляну в себя, но там ничего я не вижу, я ничего не чувствую.

Это то, что еще со времен Карл Хорни и Анны Фрейд было названо расщеплением. Расщеплением сознания с внутренним и глубинным самоощущением или самоотношением постольных вентилейблов. Это расщепление, это предмет отдельной интересной работы и отдельной личностной модели, с которой тоже мы в ближайшее время, может быть, опубликуем.

Это представление расщеплений с живой душой и с источником, но это тоже вариант такой модели и понимания личности. Таким образом, эта модель базовых потребностей личности или стремлений личности позволяет рассматривать выборы, поступки и основные стратегии. Понятие личностной стратегии в течение, вот я сейчас буду говорить о советской психологии прежде всего, претерпело несколько изменений.

Потому что основоположником представлению о стратегии является Рубинштейн, который изучал очень внимательно в течение нескольких десятилетий творческие личности, но он говорил о стратегии жизненной. Для него понятие стратегия личности – это жизненная стратегия, которую он рассматривал в содержательном смысле. То есть стратегия как путь, как раскрытие определенных достижений творчества.

И такой подход сохранялся на протяжении больше, чем 50 лет, пока в исследованиях московского психолога Альбуханова и Славской не было сформулировано немножко другое представление. И теперь уже скорее говорящее не о жизненной, а о личностной стратегии. То есть личностная стратегия – это способ, которым личность организует свою жизнь.

Что такое способ самоорганизации? В нашем смысле это определенный набор качественных, количественных, избранных, основных потребностей, которые личность для себя считает как приоритетные. На этих гистограммах изложены те же самые базовые личностные потребности, но только в виде количественных показателей.

Для того эта модель учебная, и величины здесь ничего не означает, это просто качественное различие. Чего? Посмотрите на левую гистограмму.

Это гистограмма невротика, условно говоря. Я сейчас не даю подробности, я просто делюсь той моделью, которую вы сочинили со студентами и разработали ее на разных вариантах личностных стратегий. Так вот, это личностная стратегия невротиков, в которой следует отметить несколько характерных деталей.

В правой части гистограммы хорошо видно, что максимального значения для невротика имеют сопричастность и безопасность. Почему сопричастность? Да потому что у невротика одна из главных серьезных проблем – это разрыв, расщепление с ощущением самобытия.

Невротик чуть не убежденный в собственном бытии, так же как и истерик в какой-то степени. Поэтому для него компенсация собственного комплекса – это сопричастность, попытка за счет других восстановить самоощущение. Самоценность в этом смысле здесь будет, конечно, иметь какое-то самое низкое значение.

Для невротика самоценность – это то, чего он не знает, он с чем-то незнаком. Субъективно он переживает это как отсутствие ценности собственной жизни. Потребность безопасности у невротика самая величайшая, потому что основная задача невротика – защитить свою целостность, идентичность.

И это, как бы мы сказали бы вульгарно, головная боль невротика. Больше всего он переживает обиды, критику – это для него самое тяжелое, что есть – и отвержение. Поэтому для него важнейшими приоритетными потребностями будет безопасность и сопричастность, за счет которых он и сохраняет целостность своей личности.

И в этом смысле жертвует свободой. Потому что максимальное удовлетворение потребностей сопричастности, оно как раз ущемляет свободу. Поэтому здесь потребность самостоятельности и самоценности на самом низком уровне.

Напротив, у психотика. У него потребность безопасности выражена либо нулевым образом, либо не сильно. Психотик, по сути дела, не то чтобы ничего не боится, а он не чувствует.

У психотика нет тормозов, у него очень высокий барьер чувствительности, поэтому он и не особенно обеспокоен теми угрозами, которые могут быть по отношению к его личности, потому что у него сбита чувствительность, и поэтому у психотика нет тормозов, у него нет потребности безопасности и нет потребности сопричастности. Для него, пожалуй, самая главная потребность — это в самовыражении и самореализации. А психотики — это величайшие учёные, это артисты, самые талантливые артисты — они все психопаты, а не психотики.

Потому что самовыражение без всяких границ, вплоть до переселения в другую идентичность, вплоть до полного забвения себя, а там себя нет, там самооценność-то на нуле. У психотика её почти нет. Нет ценности себя, поэтому особенно нечему жертвовать.

С точки зрения слабо выраженной самооценности невротик и психотик очень похожи, но с точки зрения безопасности и сопричастности прямо противоположны. Я привёл вам только два примера, мы разбираемся с студентами, какие модели личностных стратегий, как стратегии выживания и стратегии достижения, стратегии защиты и стратегии агрессии. Мы разбираем такие стратегии с точки зрения психопатологии и с точки зрения семейных ролей и так далее.

Оказывается, эта модель, представленная гистограммами, даёт нам возможность видеть, что самое главное в этих моделях — специфические особенности личностных выборов. И мы возвращаемся к определению личностной стратегии. Итак, личностная стратегия с этой точки зрения — это характерный паттерн набор базовых потребностей, которые выбраны личности как приоритетные или как неудовлетворяемые.

Естественно, здесь ещё есть замечательная возможность. На примере гистограммы видим, что здесь есть дефицит. Если представить себе все эти показатели как стопроцентные, в данном случае там будет 6 баллов, то здесь есть некий дефицит.

И мы можем построить эту модель, у меня нет с собой этого, вернее есть, но на другой флешке. Мы можем построить модель, дефицитарную модель личности, и мы тогда увидим в этой дефицитарной модели те особые, характерные для данного конкретного человека, стремления, ради которых

он выстраивает свою личностную стратегию. Например, для невротика это может быть модель сверхдостижения или самореализации с компенсацией.

А на основе этой модели мы можем построить и модель тех основных копипинговых реакций, о которых сейчас принято говорить достаточно широко. То есть, по сути дела, модель базовой мотивации личностной, стратегии личностной. Не надо думать, что такое понятие личностной стратегии, раз она всегда привязана к человеку как к диагнозу.

Нет, личностные стратегии могут подвергаться изменениям, они могут ситуативно меняться, они могут меняться в результате смены ценностей, например, обращения к вере. Они могут меняться в результате каких-то кризисных ситуаций в личности, например, в кризис среднего возраста, как правило, жизненные стратегии меняются, и меняются коренным образом. И мы увидим, что кризис среднего возраста, например, меняет и целиком набор приоритетных базовых стремлений личности.

Завершаю. Таким образом, модель базовых потребностей позволяет нам увидеть специфические личностные паттерны, специфические личностные формы, которые позволяют нам легче понять, почему человек принимает те или иные решения, почему человек отказывается принимать решения, почему человек развивается или почему человек отказывается от развития, почему человек принимает жизнь и живёт с радостью и любовью, или почему отказывается жить и остаётся в отчаянии и депрессии, почему человек лежит на диване или в чём-то встаёт и начинает искать для себя новое развитие. Эти модели, такое понимание личности позволяет нам это объяснить, показать, ну и немножко даже предсказать. Но главное, всё-таки это не только теоретическая работа, это результат психотерапевтических поисков, поисков ради одного конкретного клиента.

Но в каждом случае мы встречаемся с возможностью открыть в себе человеку свой потенциал, и этот потенциал как раз эти потребности и выражают отчасти. А то, что человек делает с этим в дальнейшем, это, конечно, его выбор и его свобода. Но, по крайней мере, с таким подходом мы можем помочь человеку увидеть свои ресурсы и принять решение о своих приоритетных задачах и о своих задачах, которые он может отложить на другое время.

То есть это в значительной степени представление рождалось в анализе опыта консультирования и психотерапии. Спасибо. Вопрос?

[Говорящий 2]

Пожалуйста, вопросы. Отец Андрей, позвольте. В Москву в его концепции есть некое представление об идеальном человеке.

Человек, саморисовавшийся, выразовавшийся по потребностям, это тот, кто в саморисовании, в том числе, следует стремиться. В вашей концепции вы употребляете словосочетание этих стандартов. Есть ли не идеальная, хотя бы оптимальная модель?

[Говорящий 1]

Какие-то направления в удовлетворении этих потребностей. Может быть, они не все удовлетворены сто процентов, как нужно, но, по крайней мере, в каждом из этих направлений человек что-то для себя делает. Например, если человек не умеет выстраивать границы, он этого учится.

Если человек не умеет налаживать отношения с другими людьми, он пытается хотя бы с одним человеком решить эту задачу. Если человек относится к своему бытию как к проклятию, он учится благодарить Бога за то, что ему дана жизнь. И так далее.

То есть, по крайней мере, он движется в направлении решения каждой конкретной из этих потребностей. Я бы сказал, что это стремление к некому должному. Я бы не сказал идеальному, а должному.

[Говорящий 2]

То есть в вашей концепции все эти векторы должны быть одинаково выражены?

[Говорящий 1]

По крайней мере, они должны быть просто выражены хотя бы, хоть как-то, хоть немножко. И находиться в динамике. То есть это ведь динамическая модель.

Если человек стремится к удовлетворению в какой-то степени хотя бы всех потребностей, то это, можно сказать, здоровая духовная жизнь.

[Говорящий 2]

Спасибо большое. Пожалуйста, вопросы. Скажите, пожалуйста, верующий христианин, он своим примером для своей жизни выбирает Христа.

Есть ли какая-нибудь попытка разобрать именно Личность Христа с точки зрения этих потребностей, как он их выражал?

[Говорящий 5]

Мы еще не пробовали.

[Говорящий 2]

Этот вопрос возник, потому что очень часто психология и христианство переходят в некоторый конфликт лично для меня. Хотя я человек в этом, скажем, не сильно профессиональный. Я часто задаюсь вопросом, а выстраивал ли бы Христос эти границы?

Или задался ли бы Христос этим вопросом? Именно как человек. Это для меня большая проблема.

[Говорящий 1]

Конечно, я такую проблему понимаю, и мы с этой проблемой сталкиваемся всякий раз, когда каждый специалист, психолог или каждый студент решает для себя вопрос встречи психологии и духовного опыта. Но я бы сказал так, что если Христос пришел на землю, чтобы спасти каждого, а это именно так мы и исповедуем, то это означает, что каждый человек, каждая Личность для него имеет необыкновенную ценность. А если так, то для нас, для психологов это должно быть как некоторое базовое понимание.

Каждая Личность — ценность. И если мы принимаем для себя как специалисты задачу помогать человеку, то тогда для нас вот эта ценность становится приоритетной задачей. Мы должны сохранить ценность каждой Личности в своем сердце и в своем представлении о человеке.

[Говорящий 2]

Вопрос в том, как Вы собираете данные о приезде и тестировании?

[Говорящий 1]

На самом деле мы разрабатывали уже исходя из этих гистограмм и возможные опросные листы. Мы находимся в стадии. Но я бы все-таки побоялся этого делать, потому что боюсь, эту модель будут использовать не туда, куда надо.

Я бы не хотел, чтобы это использовано было в таком примитивном виде. Рождалась эта модель из опыта психотерапии. Я вам скажу так, что первоначально мы начинали с одной базовой потребности — самооценности.

А потом постепенно видели, что это не удовлетворяет в работе консультативной, что мы встречаемся с другими базовыми стремлениями. И негативный опыт. Когда мы столкнулись с базовыми эмоциями человека,

такими как беспомощность, незащитность, оставленность, гнев и прочие, те, которые у владельца есть, они нуждались в объяснении, как мы понимаем их осмысленность для Личности.

Тогда стало возникать ощущение, что нам необходимо именно позитивное стремление как базовое, как основное. И к этому стали прибавляться другие. Но я вам не продемонстрировал здесь полностью, я говорил только о Ленгли.

Но на самом деле у многих психологов есть представление о базовых потребностях Личности. И, прежде всего, и Маслоу, и Ленгли, и Фридс Римман, и так далее. То есть это в психологии уже стало общим представлением.

Тут мы не открываем ничего нового. Но в основном психотерапевтические следы.

[Говорящий 2]

— Насколько поняла Ваша лекция, что основными такими свойствами Личности являются свобода, целостность, открытость. А если взять среднего банального человека, какого-нибудь такого закомплексованного интроверта, разбираемого противоречием, он что же не Личность? Или он Личность в потенциале только?

[Говорящий 1]

— Напротив. Я ведь и начал с того, что для нас каждый человек — Личность. В том-то всё и дело, каждый человек — Личность.

И для того, чтобы объяснить, а почему он раздираем такими внутренними противоречиями, нам и нужны такие объяснительные принципы. Ведь, смотрите, человек, который убеждён в том, что он неполноценный, несостоятельный, неумный, неинтересный, ненужный, но ведь он мучительно переживает эти свои ощущения, своё отчаяние, своё уныние, мучительно переживает. Он же не может примириться с этим.

Значит, где-то в глубине души у него есть протест против этого, потребность иного самоощущения, иначе бы он так не страдал. Почему страдает невротик от того, что у него такой комплекс неполноценности? Почему он страдает?

В чём разница? Не принимает это как факт, как принимает свою незащитность мышь или свою способность летать птица. Для них нет проблемы, но только для человека такая проблема.

Почему человек страдает от того, что он не чувствует себя птицей или не чувствует себя героем? Резонно предположить, не правда ли, что в глубине его души есть потребность быть не таким, какой он есть? Как Бердяев писал, человек — это существо, не удовлетворённое собой.

То есть где-то в глубине души у человека есть какое-то, может быть, неосознаваемое ощущение, что не таким он должен был бы быть. И не просто его мечта быть героем, а потребность стала быть Личностью. Как вы думаете?

[Говорящий 5]

— Наверное, так. Но от этого ему ещё тяжелее.

[Говорящий 1]

Очень болезненно. И не все на него решаются. И мы должны уважать, как психологи, мы должны уважать любое решение Личности.

Как стремление развиваться, так и отказ от него. Как стремление к исцелению, так и отказ от исцеления. Если человек говорит, нет, извините, господи психологи, мне психотерапия не нужна, вот я тут вот лежу в своём уголке, вот мне тут привычно, знакомо и безопасно.

И не вытаскивайте меня никуда, это привычно для моей оскорблённости. Мои границы, моё знакомое, мне понятное место и мне понятное моё БЦЕ. Да, что же делать, это его выбор.

И ничего кроме уважения, как у психологов, у практикологов, мне кажется, ему не должно у нас быть. Как вам так? Не согласны?

Уважаема ли такая позиция?

[Говорящий 4]

Не совсем. Может, может подтолкнуть человека к тому, что он захотел быть, измениться. Не быть в этом расщеплении, вот как бы в своей ситуации, когда у него там внутри всё пусто, то ему как бы расщепление.

То есть это как бы согласие к тому, что человек вообще не хочет быть. Это первая потребность, она как бы перекликается, она отсутствует. Но задача психолога тоже такая благородная, подтолкнуть к тому.

Ну, допустим, мы метываем, что он захотел быть, ведь он же зачем-то появился на этой земле.

[Говорящий 1]

Но ведь если мы начнём его толкать, мы превратимся для него в отцовскую фигуру. А он стала быть в детскую фигуру. То есть мы тогда подтолкнём его к его любимой инфантильной позиции.

Я бедный, несчастный, возьмите меня на ручки, я развиваться не умею, я такой, вот убедите меня, что я хороший, белый душ.

[Говорящий 5]

Он может только этого и ждёт.

[Говорящий 1]

Вот именно. Он может только этого и ждёт. Понимаете, вот мне кажется, для психотерапевта одна из вот таких заповедей, ну это моё личное предложение.

Безусловная вера в человека. Человек может всё, но только сам.

[Говорящий 4]

Почему древние утверждали, что есть люди, которые не идут, им надо помочь, нести какое-то время, чтобы они дальше могли пройти?

[Говорящий 1]

Если просят. Если они просят помочь. Потому что как только я подхожу и говорю, давай я тебе помогу, он говорит, отлично, на тебе мои мешки, неси, а я пойду за ним.

[Говорящий 4]

Это другая экранность. Они же манипулируют и так далее. А это какой-то необходимый толчок, минимум.

[Говорящий 1]

Кто должен первым этот толчок совершить? Психолог или клиент?

[Говорящий 5]

Клиент.

[Говорящий 1]

Клиент должен прийти. Да. Хотя бы поднять трубку телефона и спросить, а можно мешать его, он осмелился, он, может быть, это объявление давно читал.

[Говорящий 4]

Это случайно, если он подталкивается.

[Говорящий 1]

Может быть, конечно. Ну, случайно, это имя Божие.

[Говорящий 4]

Но это тоже не случайно.

[Говорящий 2]

Уважаемые коллеги, нас, к сожалению, по времени либо ограничили. Сегодня в 7 часов вечера будет презентация новой книги отца Андрея. Может быть, вы скажете два слова об этом в магазине.

[Говорящий 1]

Вот этой вот книге?

[Говорящий 2]

Буквалет. Буквалет на Владимирский. Восстание.

[Говорящий 1]

Восстание. Ну, если нас уже выгоняют, стало быть, время проститься. Спасибо.